

Е.С. Романичева (Москва)

«Акт чтения совершается в акте говорения о прочитанном» &/vs «право молчать о прочитанном»

АННОТАЦИЯ: В статье прослежен ход дискуссии «Зачем нам нужно социальное чтение?», выявлены ее основные положения, проясняющие эту современную практику чтения, и кратко обозначены итоги обсуждения проблемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискуссия, социальное чтение, практика чтения, читательский клуб, коммуникация по поводу прочитанного.

Представьте, что чтение отныне подразумевает еще и разговор и интеллектуальное удовольствие от этого разговора. Правда же, так много интереснее?

М. Мик. Новые теории чтения

Появление в нашем тезаурусе термина «социальное чтение»/«social reading» (к слову скажем, что он не вошел в глоссарий по чтению, наиболее полная версия которого опубликована в книге Ю.П. Мелентьевой «О чтении. Размышление о теоретических аспектах чтения» [4, с. 168–173]) встречено профессиональным сообществом далеко не однозначно. Во-первых, потому, что понятие «социальный» в массовом сознании почему-то ассоциативно связывается с... «социальной работой», т.е. некой деятельностью, имеющей целью содействовать людям или группам людей в преодолении трудностей посредством поддержки, защиты, коррекции или реабилитации. Хотя на самом деле *социальный* – так трактуют это слово многочисленные словари – прежде всего *связанный с жизнью людей в обществе, с отношениями в обществе или к обще-*

ству, порождаемый условиями общественной жизни, условиями той или иной общественной среды, общественной формации. Во-вторых, потому, что часть профессионального сообщества полагает: чтение – процесс сугубо индивидуальный: человек читает текст, оставаясь один на один с книгой, даже если он воспринимает текст «со слуха», через посредство «чтеца», он все равно пребывает наедине со своими мыслями, поэтому говорить о социальном характере чтения можно с очень большой долей условности: чтение становится «социальным» в процессе обсуждения прочитанного, т.е. в процессе, который следует за чтением, при этом «следует» далеко не всегда: у человека читающего есть «право молчать о прочитанном». Вот как интересно его обосновывает и трактует Д. Пеннак: «Человек строит дома, потому что живет, а пишет книги потому, что смертен и знает это. Он живет в коллективе потому, что он – общественное животное, но читает потому, что одинок и знает это. Чтение составляет ему компанию, которая не может заменить никакую другую, но и ее никакая другая компания не заменит. Чтение не дает человеку исчерпывающего объяснения его судьбы, но сплетает прочную нить соприкосновений между ним и жизнью <...> Так что основания читать у нас такие же странные, как и основания жить. И никто не уполномочен требовать у нас отчета в таком личном деле» [5, с. 154].

Обозначенные выше позиции определили и содержание дискуссии «Зачем нам нужно социальное чтение?», которая прошла в рамках СКОП-форума. Ее участники: *Андрей Василевский* (журнал «Новый мир»), *Евгения Вежлян* (журнал «Знамя», Российский государственный гуманитарный университет), *Дмитрий Гасин* (издательство «Время»), *Елена Лерман* (МБУК «ЦБС г. Дзержинский»), *Алексей Олейников* (Лицей «Ковчег-XXI», журнал «Переплет»), *Оксана Садовнича* (проект «Киноклуб»), *Олеся Сененко* (Московский городской педагогический университет) – по-разному отвечали на основной вопрос дискуссии, но были едины в одном: игнорировать сегодня феномен «социального чтения» – это не замечать очевидного.

Ведь сегодня мы живем в ситуации «совпадения» двух революций: революции в истории чтения (появление новой практики – «чтения с экрана») и революции в мире IT-технологий. Именно поэтому, как подчеркнула *Елена Лерман*, «социальное чтение» прежде всего трактуется как чтение электронных книг (точнее – книг на электронном носителе) с последующем их обсуждением.

Олеся Сененко, отчасти согласившись с коллегой в том, что технологии сейчас особенно сильно толкают вперед развитие онлайн-чтения, высказала мысль о том, что социальное чтение было всегда, а люди задолго до возникновения интернета собирались и обсуждали прочитанное: «...чтение в этот период <имеется в виду Античность. – *Е.Р.*> воспринималось, прежде всего, как форма общественной жизни и выполняло двойную функцию: сообщало содержание написанного тем, кто не мог самостоятельно понять написанное (ибо неграмотных было значительно больше, чем грамотных), а также способствовало общению читателей-эрудитов. Чтение было формой мышления и формой речи» [3, с. 43]. Однако, и это отметили автор статьи и *Оксана Садовничая*, чтение как процесс достаточно долго стремилось быть индивидуальным, человек все время отвоевывал возможность побыть с книгой один на один, пространство для личного общения с книгой, для пребывания с ней один на один или же погружения в нее без посредников. Но одна из антиномий чтения состоит в том, что оно, строго говоря, вообще не может быть индивидуальным: когда человек читает, он постоянно находится в диалоге с автором (диалог можно трактовать и как метафору, когда читатель мысленно спорит или соглашается с автором, либо как настоящий диалог: когда на полях книги он оставляет заметки, делает выписки и комментирует их), хотя у него нет посредника в лице чтеца, который произносит текст вслух. Изначально общество было коллективным, и люди стремились читать в одиночестве. Когда же оно превратилось в общество индивидуалистов, чтение «захотело» быть коллективным.

В дальнейшем, в процессе обсуждения была также высказана мысль о том, что процесс обучения литературе (и не только литературе) в школе был всегда связан с коллективным чтением (на уроках читаются и обсуждаются тексты и не только художественные, более того – текст для чтения (любое произведение небольшого объема, рассчитанное на «залповое» чтение) может быть предложен непосредственно на учебном занятии), но сейчас социальное чтение – история больше для взрослых. Почему так? Первый ответ на этот вопрос дала *Оксана Садовничая*, которая по образу и подобию американских, создала свой клуб, который посещали и посещают молодые люди, которые, только став взрослыми, впервые прочитали Достоевского, самую простую его книгу «Игрок», и в первый раз прочитали «Капитанскую дочку» Пушкина. Для них взрослых – это возможность исправить недостатки системы образования,

наверстать то, что они недополучили на уроках, не прочитали в школе. Среди них много мужчин, которые не читали классику, сейчас им нравится читать классику, они говорят, что у них таких мыслей и в помине не было. Это значит, что в читательский клуб приходят не только те, кто что-то недополучил в школе и хочет это компенсировать, но и те, кто увидел классический текст и про него тоже. Эта реплика несколько повернула ход дискуссии, поставив перед ее участниками еще ряд вопросов: что «мешало» прочитать «программную» классику в школе и обсудить ее на уроках, нужен ли в школе читательский клуб?

Ответ на первый вопрос был получен практически сразу: чтение классики в школе – чтение во многом «принудительное»: это произведение надо почитать, чтобы освоить программу по литературе. Это, во-первых. Во-вторых, многие на уроках отмалчиваются, потому что боятся попасть впросак: ответить не то и не так, как ждет учитель. Думается, что надо назвать и еще одну причину – книга не стала еще для юного читателя ни поводом для общения, ни способом получить ответы на какие-то свои вопросы: ведь в школе чаще всего приходится отвечать на вопросы учителя, вопросы, которые в силу объективных или субъективных причин не затронули ученика. Елена Лерман, всю свою профессиональную жизнь связанная с детскими библиотеками, вообще считает, что чтение классики – это две своеобразные параллельные прямые. С одной стороны школа, преподавание литературы на протяжении всего школьного обучения, учитель как наставник, дети, изучая классический текст, заучивают катехизис и получают за это некий бонус, сдавая экзамены. С этим выходят в жизнь, узнав ответы на вопросы от учителя, это воспроизводят в итоговом сочинении и в ЕГЭ. Это такая точка «входа» в дальнейшее образование. С другой стороны, это «чтение для себя», это жизнь, а не подготовка к ней (как часто трактуют период обучения ребенка в школе), это то, что происходит в клубе библиотеки или в любом другом клубе, когда люди собираются в группе, это своеобразная коллаборативная фильтрация, это было в разные времена. Э. Чамберс – это его цитата вынесена в заголовок – говорит, что книга не прочитана, пока нет ее обсуждения [см. подробнее: 6]. Но чтобы обсуждение состоялось – это еще раз подчеркнула Оксана Садовнича – нужна среда. Для взрослых такая среда не должна быть соотнесена с «учебным пространством», это среда, в которой можно расслабиться и которая ни в коей мере не может быть связана с обучением и его атрибутами. Например, это

может быть кафе, где разговор о книгах идет за чашечкой кофе и даже бокалом вина. Но у любого клуба, где бы он ни располагался: в школе, в библиотеке или в кафе, – должен быть ведущий. Им может быть библиотекарь, которого нужно учить организовывать социальное чтение как в реальном, так и в виртуальном пространстве: онлайн-чтение и обсуждение в сети для многих людей – это отличная возможность работать с книгой.

К сожалению, на этом этапе все участники дискуссии согласились с тем, что литература в школе – это одна история обсуждения прочитанного. Социальное чтение вне классной комнаты – это другая история, это свободное чтение. И будут ли они пересекаться, наверное, покажет будущее. Но это будущее состоится только в том случае, если в поле чтения попадет не только классика, но и актуальная литература, та, что создается здесь и сейчас и сейчас же выпускается. Именно на этом этапе в разговор включился тот, кто занимается выпуском современной литературы и не только выпуском. *Дмитрий Гасин* из издательства «Время» перевел разговор в практическую плоскость. Он сказал, что сегодня и сейчас необратимо меняется не только технология, но и физиология чтения. Была революция в чтении, когда случился переход от свитка к кодексу, когда у читателя появилась возможность перейти от одного фрагмента текста к другому очень быстро, а потом случилась новая революция (переход на электронный носитель текста) и появилась возможность сквозного поиска, когда не нужно перелистывать огромные тома, когда можно просто нажать одну кнопку, задав ключевые слова, и найти нужное в тексте. Но что-то и было утрачено. Например, рождение новых связей и ассоциаций при просмотре страниц, возможность замедлить темп, за что-то зацепиться. Сейчас за тебя все это делает компьютер, а ты только ставишь перед ним такую задачу. Возможно, именно поэтому, согласно многочисленным статистическим данным, современный человек читает больше, чем предыдущие поколения. Вопрос в том, что он читает и как он это делает. Чтение последовательно переходит в интернет, перетекает в социальные сети, где другой механизм чтения и другая форма представления текста. Мы практически ничего не знаем о ней. Сегодня мы без труда опишем эволюцию жанра классической трагедии, как в форме развернутого текста, так и в форме схемы, например. А вот читательский комментарий к книге или дневная запись или комментарий в фейсбуке – что это такое? Это новый жанр, новый стиль письма, новое мышление. В том числе и

«письма про книги». Сейчас есть необходимость в социальном чтении, если под последним понимать совместное чтение и обсуждение книги. Ведь сложность книги (сложность языка, сюжета, героев, даже тематики и проблематики) – это повод обсудить ее, увидеть достоинства. К сожалению, некоторые родители боятся книг на сложные темы, но это неправильно, потому что это упущенная возможность наладить общение в семье, что-то читая и обсуждая вместе. Так налаживаются или устанавливаются отношения между детьми и родителями, реализуется одна из важнейших функций чтения: книга становится своеобразным «местом» общения между людьми. К сказанному остается добавить: каждый человек читает про себя или все вместе – это все равно общение со многими читателями, которые читали этот же текст. Социальное чтение позволяет облегчить процесс общения между детьми и родителями, потому что книга даст дополнительный повод пообщаться, для этого-то она и написана. Чтение – это всегда потенциальное общение между людьми, и нам остается только воспользоваться новыми возможностями, которые есть для этого общения, в том числе и на читательских форумах в интернете.

Упоминание читательских сайтов и форумов «переключило» дискуссию на издателей толстых журналов, которые сейчас не только издают «бумажный» номер, выкладывают его в журнальный зал, но и создают сайт журнала, где читателю представляется возможность высказаться об опубликованном в журнале тексте. На этой стадии в разговор вступил главный редактор «Нового мира» *Андрей Василевский*. Он сказал, что разговор о социальном чтении нужно начинать с мелкой банальности, которую важно проговаривать. На взгляд издателя журнала, мы обсуждаем сегодня проблемы социального чтения, потому что социальное чтение умерло, оно было, но рухнуло, оно было на памяти тех, кто жил в позднем Советском Союзе, когда количество предлагаемых книг было очень небольшим – книг, которые можно было читать и поэтому их читали все. Ведь многие люди читали определенный набор одних и тех же книг, и эти книги становились поводом для обсуждения, причем обсуждения добровольного. Чтение в Советском Союзе было этим социальным чтением, прочитали эти книги все, и каждый мог быть уверен, что его собеседник эту книгу читал.

Хотя это и не прозвучало во время дискуссии, но нам представляется, что А. Василевский несколько идеализирует ситуацию, когда говорит, что определенный набор книг в Советском Союзе

«читали все». Если под словом «все» уважаемый издатель имеет в виду интеллигенцию, то да, «вся» интеллигенция читала определенный набор книг. Но и интеллигенция на отдельные читательские сообщества распалась достаточно быстро. Эту ситуацию «атомизации» прежде общего чтения очень точно зафиксировала известный критик Наталья Иванова, чье имя напрямую связано с толстыми журналами, в первую очередь с журналом «Знамя». В своей новой книге «Такова литературная жизнь» она точно указывает, что случилось это в «конфликтном» 1993 году: «В подглавке “Уход интеллигенции” (из заметок о культуре переходного периода “Без напряжения...” // Новый мир. № 2.) Лев Гудков и Борис Дубин зафиксировали:

- начало процесса профессиональной дифференциации;
- исчезновение общности интеллигентского чтения;
- разрушение рамок допустимого и запрещенного, злободневного и актуального;
- конец двоемыслия <...>

“Ритуалы групповой солидарности”, “общность интеллигентского чтения” исчезли, “круг разорвался”, результат (показатель) налицо: тиражи демонстрируют этот разрыв общего круга. <...> произошло сокращение аудитории почти на четыре пятых у “Нового мира” и более чем вдвое у “Знамени”. Безусловно, это связано и с экономической ситуацией, с обеднением значительной части бывших подписчиков, – но и с нарастающей дифференциацией в чтении тоже» [2].

Однако вернемся к дискуссии, длинную реплику в которой произносит *Андрей Василевский*. Он утверждает, что нет общего культурного поля: какого популярного писателя не возьми, хоть Дарью Донцову или Сергея Лукьяненко, то мы увидим, что людей, не читающих этого автора, гораздо больше тех, кто его читает, ни один известный писатель, даже «сериальный» не работает на общее культурное поле. Исходя из этого и описывая ситуацию с чтением, А. Василевский утверждает, что мы сегодняшние живем в небывалую, не имеющую аналогов в прошлом эпоху культурного перепроизводства, мы сегодняшние погружаемся во все возрастающее количество текстов и медиатекстов. Эта ситуация началась в цифровую эпоху, а цифра дала очень легкие возможности для производства и трансляции контента, и что-то взорвалось. Социальное чтение – в привычном для нас понимании всеобщего «непринудительного» чтения и «ненавязываемого» обсуждения определенного

круга текста – больше нет, общего культурного поля больше нет. То, что мы называем социальным чтением сегодня, – вот попытки людей каким-то образом существовать в эпоху культурного пере-производства, компенсировать. Ведь зачастую из 10 людей, не связанных с нами профессионально, ни один не будет читать то же, что прочли мы, потому что они находятся в других сферах и читают другое. Поле для коммуникации, для обсуждения отсутствует, поэтому социальное чтение сегодня – попытка адаптироваться к таким условиям, сделав некое усилие, создав искусственно ситуацию обсуждения: мы договоримся и прочитаем одну и ту же книгу, соберемся в клубе или онлайн и поговорим.

Именно для этого существуют клубы, открытые площадки, дискуссии и лекции. В сети же, по мнению известного журнального издателя, никакое содержательное обсуждение невозможно, нет там площадок для содержательного разговора, это все – иллюзия. Другое дело, что общение само по себе важно для людей, оно само является целью, вот встречи по поводу книг – это реализация одной из важнейших жизненных потребностей человека в общении, когда общение важно само по себе, важна не его содержательность, не результат, важен процесс: мы с тобой общаемся. На удовлетворении этой потребности выстроены все социальные сети, даже ЖЖ, в котором хоть немного можно было содержательно, медленно разговаривать. Но медленный разговор в сети практически невозможен, он возможен только в реальном общении, поэтому и умер Живой Журнал. Другими словами, была высказана точка зрения, что социальное чтение – это просто коммуникация ради коммуникации, а не содержательное обсуждение книг, даже если людям кажется, что они говорят содержательно. Для нормального обсуждения нужно «реальное» общение, нужен тот, кто умеет его организовывать и создавать, связывая между собой людей, заинтересованных в чтении и обсуждении прочитанного.

Сказанное А. Василевским последовательно развила и прокомментировала *Евгения Вежлян*, литературный критик, социолог литературы, которая утверждает:

Нет большой совокупности читателей, чтение которых можно было бы исследовать. Современный читатель сильно стратифицирован. Мы также не можем просто разделить читателей на тех, кто любит и выбирает для досуга чтение, и на тех, кто читает серьезные книги и, например, смотрит сериалы. Мы, говоря о социальном чтении, в первую очередь должны изучать «любителей чтения» – даже

их небольшая группа тоже сильно разделена. Однако есть то, что мы называем «культурой соучастия»: когда нас немного и есть интернет, мы обязательно найдем друг друга. Например, есть любители поэзии, есть клуб «Чтецы», они не замкнуты в виртуальном пространстве: сами пишут, читают друг друга, пишут комментарии и собираются «в реале». То же можно сказать и про любителей «Гарри Поттера», Глуховского, который создает еще и электронные игры. А дополнительная поддержка – это очень сильный механизм именно социального сплочения.

На последнем витке дискуссии участники вновь констатировали: школьный канон и объединяющее социальное чтение сегодня – это фантомы. На наших глазах рушится, казалось, прежде незыблемый школьный канон – он рушится объективно. Единый круг чтения, создание объединяющего всех (выделим это слово) списка возможно только в закрытом обществе, лишенном всех возможностей. Это процессы со знаком плюс: мы сейчас можем выбирать то, что нравится. Не обязательно читать то, что остальные, в том числе и по школьной программе. ФГОС наделил учителя, образовательную организацию при составлении программы правом учитывать читательские потребности школьников. Эти потребности у юных (и не только юных!) читателей есть. Чтение перестало быть едва ли не единственной формой досуга, но при этом возникают фандомы, клубы, которые кто-то поддерживает, и те, которые возникают спонтанно, существуют сами по себе, когда модерация переходит от одного участника к другому. Значит, общее чтение или, точнее, общение по поводу прочитанного, – это потребность людей. На вопрос, почему оно возникает, *Дмитрий Гасин* дал однозначный ответ: общее культурное пространство нужно людям для контакта. Но участники с ним не согласились. В частности, *Евгения Вежлян* указала, что мы не видим сейчас доминанты из книжного мира – отсюда испуг, есть ли вообще книжные слова, которые помогут найти общий язык с другими людьми? Поиск ответа на этот вопрос тоже в русле исследования феномена «социальное чтение».

Учитель-словесник *Анастасия Серазетдинова* указала на одну из негативных тенденций в организации читательских клубов. Она обозначила ее метафорой: «Давайте соберемся против Марьи Ивановны, которая испортила нам жизнь на уроках литературы и почитаем наконец свободно». Все участники согласились, что такой негативный образ учителя должен уйти из массового сознания. Учителя нужно реабилитировать. Хороший учитель литературы не дает

готовых ответов, он должен показывать, открывать мир произведения. В книжный клуб идут люди зрелые, готовые воспринимать сложное, классику и все-таки чему-то уже наученные, имеющие пусть и небольшой багаж «школьного чтения». А ребенку нужно задавать вопросы и, самое главное, – его нужно учить задавать вопросы, чтобы он мог исследовать текст сам, искать свои ответы, а не только внимать наставнику. И поэтому в школе на уроках тоже надо читать вместе, читать и удивляться находкам других читателей. Чтению все-таки учат в школе, а не в клубе. Тогда читатель «во взрослой жизни» придет в клуб, придет за удовольствием, за драйвом, а не только для того, чтобы прочитать «Капитанскую дочку». И пусть изначально, как в американских читательских клубах, основные члены которого домохозяйки среднего возраста и женщины старше 60-ти лет, приверженцы «легкого» чтения, обсуждение в российских клубах начнется именно с тех книг, которые откроют двери в мир чтения, сделают его практикой повседневности.

И в заключение, подводя «отсроченные» итоги дискуссии, необходимо, на наш взгляд, обозначить те точки, без внимания к которым социальное чтение как читательская практика развиваться не будет:

- одно из важнейших условий социального чтения – чувство удовольствия, которое испытывает человек, читая и обсуждая книгу, а удовольствие доставляет то, что ты сам выбираешь, а не то, что навязали;
- школа тоже участвует в социальном чтении, потому что у учителя есть возможность создать искусственную ситуацию, когда группа людей прочла одну и ту же книгу и можно организовать ее обсуждение, это некая «принудительная» разновидность социального чтения, потому что естественным образом обсуждение никакого общего круга текстов возникнуть сейчас не может. Ситуация «принудительного» чтения может возникнуть не только в школе: это, например, корпоративное чтение; к тому же многие взрослые ищут тех, кто «заставит» их читать, потому что привычки к чтению нет, а читать надо;
- надо помнить, что в социальном контексте ничего «естественного» и быть не может. Поэтому практика социального чтения не может возникнуть спонтанно, ее должен кто-то запустить: мы не можем никого заставить делать что-то, если у человека

нет прагматической цели чего-то достичь (например, получить нужный балл на экзамене). Но если есть предрасположенность к чему-то, мы можем направить на это его внимание, сфокусировать его на чем-то. И культуртрегеры (частные лица и журналы, институции и организации) в области социального чтения и создают такие фокусировки внимания, запуская дальнейший процесс. Это касается и школы, и библиотеки, когда в рамках урока, встречи с писателем и т.д. организуется обсуждение того, что возможно или априори никто не читал. Это довольно парадоксальная ситуация (ее достаточно иронично описал Пьер Байяр в «Искусстве рассуждать о книгах, которых вы не читали» [1]), но с ней надо считаться и ее надо использовать как ресурс приобщения к чтению, потому что обсуждение в любом формате и в любом месте может стать точкой входа в текст;

- социальное чтение, как и всякая практика чтения, подвержено изменениям. И тексты, и само социальное чтение сейчас стало другим: читателей зачастую интересует текст не как предмет осмысления и освоения, а как предмет коммуникации. Это необходимо учитывать, выстраивая современную образовательную практику, в том числе и вне стен классной комнаты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байяр П. Искусство рассуждать о книгах, которые вы не читали [Текст] / Пьер Байяр; пер. с фр. А. Поповой. М.: Текст, 2014.
2. Иванова Н.Б. Такова литературная жизнь. Роман-комментарий с ненаучными приложениями [Текст] / Наталья Иванова. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2017.
3. Мелентьева Ю.П. Общая теория чтения [Текст] / Ю.П. Мелентьева. М.: Наука, 2015.
4. Мелентьева Ю.П. О чтении. Размышление о теоретических аспектах чтения [Текст] / Ю.П. Мелентьева. М.: Канон+, 2014.
5. Пеннак Д. Как роман [Текст] / Даниэль Пеннак; пер. с фр. Н. Шаховской. 4-е изд. М.: Самокат, 2013.

6. Чамберс Э. Расскази. Читаем. Думаем. Обсуждаем [Текст] / Эйдан Чамберс; пер. с англ. Е. Олейниковой, Е. Карпова. М.: Самокат, 2016.

Благодарности: автор статьи как модератор прошедшей в рамках СКОП-форума (17 декабря 2016 года) дискуссии благодарит всех участников за участие в обсуждении проблем социального чтения и предоставленное ему право «перевести» диалог в формат статьи. Отдельная благодарность О.В. Сененко (МГПУ) как инициатору этой дискуссии и Т.Ю. Дрыжовой (журнал «Школьная библиотека: сегодня и завтра») за предоставленные видео- и аудиоматериалы.